

Тайны Чжуннаньхая. Кто и как прослушивал Мао Цзэдуна

© 2012

В. Усов

Автор рассказывает о малоизвестных событиях 1950–1960 гг. в истории современного Китая и КПК — «нелегальных» магнитофонных записях бесед, выступлений и указаний Мао Цзэдуна и его реакции на такие «прослушки». Главным виновником организации записей был объявлен начальник канцелярии ЦК КПК Ян Шанкунь. Излагается его версия событий.

Ключевые слова: прослушивание, Мао Цзэдун, Ян Шанкунь, Ван Дунсин, разглашение партийных секретов.

В ноябре 1965 г. — то есть когда, наконец, была опубликована статья Яо Вэньюаня, специально готовившаяся несколько месяцев женой Мао Цзэдуна Цзян Цин совместно с Яо Вэньюанем и Чжан Чуньцяо и явившаяся «сигналом» к началу «культурной революции», — на основании вымышленных обвинений, как пишут историки КНР, был смещен с занимаемой должности кандидат в члены Секретариата ЦК КПК, заведующий канцелярией ЦК КПК Ян Шанкунь¹. Заведующим канцелярией стал бывший личный охранник Мао Цзэдуна Ван Дунсин, причем, как считает У Лэнси, это не было случайным совпадением. Ян Шанкунь пока был отправлен на работу в провинцию Гуандун со значительным понижением в должности. Его дочь, ученицу пекинской школы, временно приютила семья Дэн Сяопина.

Официальное решение о смещении Ян Шанкуня с должности было принято только в мае 1966 г. Так, на заседаниях расширенного совещания Политбюро ЦК КПК 5–7 мая 1966 г. были выдвинуты обвинения в создании «антипартийной группировки» в отношении четырех руководителей партии, правительства и армии: секретаря ЦК КПК, первого секретаря Пекинского горкома партии Пэн Чжэня, заместителя министра обороны КНР, начальника Генерального штаба НОАК, секретаря ЦК КПК Ло Жуйцина, секретаря ЦК КПК, заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Динъи и кандидата в члены Секретариата ЦК КПК, заведующего канцелярией ЦК КПК Ян Шанкуня.

Выступивший на совещании Кан Шэн огласил содержание своих двух бесед с Мао Цзэдуном в марте 1966 г. в Ханчжоу, которые, по его мнению, можно было свести к двум основным направлениям: 1. критика 1-го секретаря Пекинского горкома партии Пэн Чжэня, Отдела пропаганды, «укрывательство правых, подавление левых, неготовность к революции»; 2. «необходимость поддерживать левых, создавать новые отряды работников культуры и науки, осуществлять великую культурную революцию». Как центральный и сквозной вопрос, поставленный Мао Цзэдуном, он выделил следующий — появился ли ревизионизм в Китае, начиная от центра и кончая низами, и если появился, то что с ним делать? Кан Шэн однозначно заявил, что «ревизионизм» сейчас уже появился,

назвав его представителями Ло Жуйцина, Пэн Чжэня, философа, бывшего ректора Центральной партийной школы Ян Сяньчжэня, Ян Шанкуня и нескольких других деятелей. Указав на готовящийся документ «Сообщение ЦК КПК от 16 мая 1966 г.», он подчеркнул, что оно затрагивает не только вопросы «культурной революции», но и «проблемы борьбы с людьми, подобными Хрущеву, которые находятся бок о бок с нами, стремясь узурпировать власть». Принятие этого документа, подчеркнул выступающий, является только началом движения, а не концом борьбы².

На этих совещаниях по настоянию Мао Цзэдуна Пэн Чжэнь, заведующий отделом пропаганды, секретарь ЦК КПК Лу Динъи, Ло Жуйцин и Ян Шанкунь были официально сняты со всех постов.

Постановление, принятое на расширенном совещании политбюро ЦК КПК 23 мая 1966 г., гласило:

«1. Приостановить исполнение своих обязанностей в Секретариате ЦК КПК товарищами Пэн Чжэнем, Лу Динъи и Ло Жуйцином, приостановить исполнение своих обязанностей как кандидата в члены Секретариата ЦК КПК Ян Шанкуня, в дальнейшем просить пленум постфактум принять решение³.

2. Освободить товарища Пэн Чжэня от обязанностей первого секретаря Пекинского горкома КПК и мэра города; освободить товарища Лу Динъи от обязанностей заведующего Отделом пропаганды ЦК.

3. Ввести товарища Тао Чжу в состав Секретариата ЦК в качестве постоянного секретаря, по совместительству назначить его заведующим Отделом пропаганды ЦК; ввести товарища Е Цзяньина в состав Секретариата ЦК в качестве секретаря, по совместительству назначить начальником секретариата Военного совета ЦК. Просить пленум ЦК КПК в дальнейшем постфактум утвердить их назначение секретарями Секретариата ЦК.

4. Товарища Ли Сюэфэна назначить первым секретарем Пекинского горкома партии.

5. Вышеизложенные решения довести до сведения местных партийных комитетов выше волостного уровня и в армии выше полкового уровня».

24 мая 1966 г. ЦК КПК издал «Пояснения относительно ошибок товарищей Лу Динъи и Ян Шанкуня». В документе говорилось: «Совещание решило, чтобы ЦК учредил специальный комитет по расследованию, который в дальнейшем займется расследованием антипартийной деятельности 4 товарищей: Пэна, Лу, Ло и Яна... Материалы по вопросу ошибок Пэна и Ло уже имеются... Что касается вопроса товарища Ян Шанкуня, то разясняем, что основная ошибка товарища Ян Шанкуня — он за спиной ЦК незаконно устанавливал подслушивающие устройства, разглашал важные партийные секреты... активно участвовал в антипартийной деятельности»⁴.

Долгий период времени именно такими сообщениями ограничивались «преступления» Ян Шанкуня. Более подробная информация намеренно скрывалась. Впервые более детальную информацию по делу заведующего канцелярией ЦК КПК обнародовал личный врач Мао Цзэдуна, бежавший на Запад и опубликовавший там в 1994 г. свои записки.

Летом Мао Цзэдун решил выехать с «инспекционной поездкой» по городам Тяньцзинь, Цзинань, Нанкин, Шанхай и Ханчжоу. С собой он пригласил министра общественной безопасности Ло Жуйцина и заведующего канцелярией ЦК КПК Ян Шанкуня, заявив, что они будут его стажерами, которых он будет «обучать». Мао Цзэдун специально взял их с собой, как считал его личный врач, желая им показать, как любит вождя китайский народ. «На Ло Жуйцина и Ян Шанкуня это зрелище произвело неизгладимое впечатление. Они восторженно смотрели на Мао и с удовольствием купались в лучах его славы, пьяня от счастья, — писал Ли Чжисуй. — Ян Шанкунь сожалел лишь об одном. Во время поездки Мао часто делился с ними своими планами. Он рассказывал о том, как построить отношения партнерства между промышленностью и сельским хозяйством, как организовать работу и жизнь «народных коммун», как добиться разумного распределе-

ния доходов и справедливой оплаты труда. Но все эти соображения вождя никем не фиксировались. А ведь они являлись руководящими принципами как для самой партии, так и для всего народа. Как-то вечером, беседуя с Ло Жуйцином и секретарями вождя, Ян Шанкунь сказал, что хотел бы найти способ записывать ценные мысли председателя, уж коли секретариат ЦК не побеспокоился о том, чтобы высказывания вождя облечь в форму документов, и руководство провинций тоже не подумало об этом. Если бы у них были записи рекомендаций и соображений Мао по многим вопросам, то они могли бы переслать их высшему руководству — Лю Шаоци и Дэн Сяопину. Но без официальных бумаг никто из провинциальных партократов не хотел брать на себя ответственность.

«Нам нужно подумать, как организовать запись выступлений Председателя, чтобы затем отправить эти протоколы в Секретариат ЦК на рассмотрение и утверждение», — сказал Ян Шанкунь.

Он предложил вызвать из Чжуннаньхя стенографиста, который неотлучно следовал бы за Мао в этой и следующих поездках по стране и записывал все его замечания и предложения. В результате ЦК будет всегда знать о новых идеях и предложениях Председателя. Однако когда об этом сообщили Мао Цзэдуну, тот заявил, что стенографист ему ни к чему. «Великий кормчий» прекрасно знал магическую силу своих речений. Стоило ему официально назвать «народные коммуны» величайшим достижением китайского народа, как они стали расти по стране словно грибы после дождя. Теперь он решил быть более осторожным и не хотел, чтобы брошенные им случайные слова становились политическими лозунгами. Ситуация в стране была очень тяжелой, и Мао понимал, что ответственность слишком велика.

Через несколько дней в поезд Мао прибыла группа технических специалистов из Министерства общественной безопасности. Они получили указание установить в спальном отсеке вождя и в салоне, где он проводил дискуссии и совещания, аппаратуру для прослушивания разговоров. Миниатюрные микрофоны были так искусно спрятаны в абажурах, настенных светильниках и цветочных вазах, что вождю вряд ли удалось бы их обнаружить. Все эти микрофоны были присоединены к записывающей аппаратуре, установленной в одном из соседних помещений. Эту технику обслуживал прибывший вместе с техниками молодой человек по имени Лю, который стал неотлучно сопровождать Мао во всех поездках. От Мао скрыли, чем должен тот заниматься. Такие же подслушивающие устройства были установлены в апартаментах, которые предназначались для вождя, во всех провинциях. Обслуживающий персонал был предупрежден, что он должен об этом молчать. Им было сказано, что все эти меры предприняты по решению высших партийных органов. Мао о них не уведомлен. Поэтому если Председатель узнает обо всем этом, последствия могут быть ужасными.

В тот момент никто не подозревал, к какой катастрофе приведет этот рискованный шаг ЦК КПК⁵.

В феврале 1961 г. на специальном поезде Мао Цзэдун направился в Гуанчжоу, затем он направился в Ухань. По дороге была сделана остановка для его встречи с 1-м секретарем провинции Хунань Чжан Пинхуа. Во время прогулки молодой техник Лю, отвечавший за записывающее устройство, признался очередной пассии — преподавательнице Мао Цзэдуна, ехавшей вместе с ним, что слышал ее разговор с Мао Цзэдуном, когда она одевалась перед встречей Мао и Чжан Пинхуа. Пассия немедленно сообщила Мао Цзэдуну о своей беседе с Лю. «Мао стал мертвенно-бледным, — вспоминал личный врач Мао. Он никогда не подозревал, что его покои прослушиваются. Тут же он вызвал в свое купе (охранника) Ван Дунсина. Они оставались вдвоем за закрытыми дверями больше часа. Ван... заявил, что ничего не знает о подслушивающих устройствах. Вернувшись, он приказал, чтобы поезд немедленно отправился в Ухань»⁶. В г. Ухань было демонтировано все оборудование для подслушивания и выставлено для обозрения в конференц-зале гостиницы. Мао Цзэдун приказал сфотографировать все оборудование

(магнитофонные ленты, микрофоны и провода) как «доказательство вторжения неизвестных сил в его жизнь». После выяснения всех фактов Ван Дунсином, Мао было доложено, будто прослушивание организовали, чтобы собрать материал для подготовки истории партии. Это привело Мао в ярость. «Так что, они собирают материал, чтобы очернить меня, как Хрущев очернил Сталина?! — рычал Мао⁷. Он приказал немедленно сжечь все магнитофонные ленты. «Не оставляйте ни единой, — жестко потребовал он. — Я не хочу поставлять материал ни для каких черных отчетов». В результате этого инцидента несколько человек потеряли работу, техник Лю, разболтавший о подслушивающих устройствах в спальне Мао, был сослан на трудовое перевоспитание в провинцию Шаньси. «Мао знал, что приказ подслушивать его мог исходить только от руководителей самого высокого уровня, — констатировал врач Мао Цзэдуна. — Не обошлось и без Министерства общественной безопасности. Мао считал, что шпионаж за ним — это только часть заговора. Его убежденность, что в самых высоких сферах партии зреет заговор против него, росла»⁸. Этот инцидент выбил Мао Цзэдуна из обычной колеи, «обычно подозрительный, он все-таки никогда не предполагал, что тайные записывающие устройства фиксировали каждое его слово, что записи его бесед посылались в Пекин». Он считал, что большинство из его окружения, служившее ему долгие годы, и которому он верил, стало частью заговора.

Этот инцидент и послужил в качестве обвинения Ян Шанкуня в начале «культурной революции» в «разглашении важных партийных секретов» и установки различных подслушивающих устройств.

Только в XXI в. стали раскрываться некоторые подробности этой истории. В 2001 г. появились воспоминания Ян Шанкуня⁹, а в 2010 г. Сычуаньское издательство опубликовало книгу Су Вэймина «Ян Шанкунь рассказывает о некоторых вопросах истории Нового Китая», где изложены более детально подробности этого инцидента.

По словам Ян Шанкуня, работа по магнитофонной записи материалов началась с 4-го пленума ЦК КПК 7-го созыва в 1954 г. (напомним, что на рассмотрение 4-пленума ЦК КПК, проходившего с 6 по 10 февраля 1954 г., было вынесено громкое дело Гао Гана и Жао Шуши). Мао Цзэдун отсутствовал на пленуме. Целью магнитофонных записей была быстрая сверка по ним скорописных записей, гарантировавшая точность записи материалов партийных совещаний. Позднее был создан архив магнитофонных записей, которые превратились в часть архива ЦК партии. Сам Мао Цзэдун не любил, чтобы его выступления записывались другими. Это стало еще более очевидным в 1956 г. после XX съезда КПСС и секретного доклада Хрущева о Сталине. Однако, как утверждал Ян Шанкунь, Мао Цзэдун являлся руководителем партии и не фиксировать его выступления было бы неверным. Он, как руководитель секретариата ЦК партии в 50-е годы, вновь обратился к председателю Мао Цзэдуну с предложением о необходимости в дальнейшем фиксации материалов разных совещаний. Тогда председатель предложил Яну и своему секретарю Ху Цяому кратко записывать некоторые решения и постановления совещаний. Прошло какое-то время, однажды на небольшом совещании Мао Цзэдун взял из рук Ян Шанкуня блокнот с записями для просмотра, затем, спросив зачем мы записываем, потребовал в дальнейшем этого не делать. В 1956 г. Мао Цзэдун выступил с докладом «О десяти взаимоотношениях». Этот доклад не записывался на магнитофон и не стенографировался. Затем по рукописным записям некоторых товарищей попытались восстановить черновой вариант доклада, прочитав который Мао Цзэдун был страшно недоволен. Учтя этот опыт, в дальнейшем, когда проводили совещания и Мао Цзэдун готовился выступать, Ян спрашивал его, надо ли речь распространять, и если давался утвердительный ответ, то ее записывали и готовили для распространения. В феврале 1957 г. Мао Цзэдун готовился выступить на заседании Верховного государственного совещания с речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа» и сам поручил своему секретарю Е Цзылуну сделать запись своей речи.

В июле 1958 г. Мао Цзэдун, готовясь принять в Чжуннаньхуа посла Советского Союза в КНР П.Ф. Юдина и обсудить деликатный вопрос о «совместном флоте» (правительство КНР обратилось к советской стороне о помощи в создании современного военно-морского флота, в Москве посчитали, что дело это очень дорогостоящее, и более целесообразно строить современный военно-морской флот объединенными усилиями двух стран: КНР и СССР), попросил подготовиться к магнитофонной записи беседы. Был найден сверхминиатюрный магнитофон, его микрофон внешне выглядел как ручные часы, его надели на руку переводчика, а сам магнитофон был спрятан на теле переводчика. Однако беседа была довольно длительной, а магнитофонной пленки хватало только на час записи. За час работы магнитофон сильно разогрелся и место на теле переводчика покраснело, но тот должен был терпеть. Беседа продолжалась довольно длительное время. Мао Цзэдун был очень недоволен, что не удалось записать полностью беседу с Юдиным.

Ян Шанкунь признался, что, начиная с ноября 1958 г., все важнейшие выступления и беседы Мао Цзэдуна с зарубежными визитерами и гостями, беседы с местными ответственными руководителями записывались на магнитофон.

Следует сказать, что на запись выступлений и бесед Мао Цзэдуна согласие дали Дэн Сяопин и Пэн Чжэнь, то есть это не было личной инициативой одного Ян Шанкуня¹⁰.

В 1959 г. Мао Цзэдун в Ханчжоу созвал рабочее совещание ЦК КПК (Ян Шанкунь в нем не участвовал). На совещании, когда Мао Цзэдун стал говорить о международной обстановке, он потребовал, чтобы участники совещания ничего не записывали. Ху Цяому сказал, что все-таки может быть следует что-то записать. Мао Цзэдун очень рассердился, заявив: «Кто приказал записывать? В дальнейшем тех, кто вновь станет записывать, будем исключать из партии!».

В апреле 1960 г. Ян Шанкунь сопровождал Мао Цзэдуна в поездке по стране. В последней декаде июня в Шанхае прошло рабочее совещание, на котором Мао Цзэдун выступил с речью «Итоги десятилетия». После окончания совещания вернулись в Пекин. Во время этой поездки Мао Цзэдун много раз встречался с иностранными гостями: среди них были гости из Азии, Африки, Латинской Америки, Восточной и Западной Европы, общественные деятели, руководители страны и лидеры коммунистических и демократических партий, место встреч было по ходу следования Мао Цзэдуна, иногда в вагоне поезда. Все эти беседы записывались на пленку, естественно, как подчеркивал Ян Шанкунь, с предварительного согласия Мао Цзэдуна.

В апреле 1961 г., когда Ян Шанкунь был в Хэбэе, неожиданно была получена телеграмма от Гун Цзыжуна, где сообщалось, что Мао Цзэдун расследует вопрос с магнитофонными записями. Ян Шанкунь немедленно вернулся в Пекин. Там он узнал, что когда Мао встречался с иностранными гостями в Чанша, то обнаружил, что его записывают на пленку, и очень рассердился. Узнав о ситуации, Ян Шанкунь стал разяснять обстановку Дэн Сяопину и Пэн Чжэню. Он, с одной стороны, сделал Мао Цзэдуну письменный отчет, взял на себя ответственность за записи и просил наказать, а с другой, воспользовался случаем и потребовал, чтобы товарищи из канцелярии крепче взялись за орграбиту, выбрали важнейшие документы из магнитофонных записей и переделали их в обычные иероглифические документы, а затем уничтожили все магнитофонные записи. Секретариат ЦК КПК под руководством Дэн Сяопина провел специальное заседание, обсудив вопрос с магнитофонными записями. Было принято соответствующее решение «Относительно проблемы магнитофонных и простых записей», где говорилось, что можно осуществлять запись важнейших официальных совещаний ЦК КПК только после резолюции Секретариата ЦК. Запись же всех других совещаний: партийных съездов, пленумов ЦК КПК, рабочих совещаний ЦК КПК, Политбюро, Секретариата ЦК запрещена, также запрещена запись выступлений руководящих товарищей из ЦК КПК и членов партии, бесед руководителей ЦК КПК с иностранными гостями. Чтобы вновь не возникало ошибочных ситуаций, как было с выступлением Мао «О десяти важнейших

взаимоотношений», было принято решение подобрать нескольких молодых людей и подготовить из них классных стенографистов. После этого были подобраны несколько человек, которых стали учить стенографии. Ян Шанкунь признавался, что до зимы 1965 г., пока он находился у руководства канцелярией ЦК КПК, все крупные совещания стенографировались этими людьми. В заключение Ян Шанкунь утверждал, что он твердо считает, что введенные им магнитофонные записи не только не являются его виной, а напротив, является его заслугой. Именно магнитофонные записи являются ценными архивными документами для истории партии, считал Ян, и вызывает сожаление то, что в 1961 г. было уничтожено так много магнитофонных пленок и осталось очень мало документов о том напряженном времени, множество драгоценных исторических материалов превратилось в пепел¹¹.

После «культурной революции» по решению 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва 1978 г. началась реабилитация деятелей, невинно пострадавших в этой кампании. Они возвращались на рабочие места. Вернулся и Ян Шанкунь, став вторым секретарем парткома провинции Гуандун. Однако 25 ноября 1978 г. на рабочем совещании ЦК КПК вновь встал вопрос о Ян Шанкуне, некоторые вспомнили историю «тайных магнитофонных записей», потребовав его вновь проверить, так как он «ослушивался указаний Мао Цзэдуна» и наделал много ошибок. Наконец 23 октября 1980 г. Секретариат ЦК КПК полностью реабилитировал Ян Шанкуня, признав, что дело «тайных магнитофонных записей» шито «белыми нитками». Через 18 лет Ян Шанкунь скончался 12 сентября 1998 г.

Такова история «прослушивания» председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна.

1. Ян Шанкунь родился 3 августа 1907 в уезде Туннань провинции Сычуань. В этой же провинции родились архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, министр иностранных дел Чэнь И, академик Го Можо, старейший маршал, главнокомандующий Чжу Дэ и другие.

Шести лет мальчик начал учиться дома. Он, как и многие дети его возраста в Китае, зазубривал «Троесловие» (*Саньцзыцзин*). За «Троесловием» последовал «*Байцзысин*» («Фамилии ста семей»), где был зарифмован список часто встречающихся фамилий. Затем мальчика определили в частную школу в Чэнду, там он познакомился с «*Шицзином*» и другими подобного рода классическими китайскими книгами. В 1915 г. восьми лет он с родными переехал в Чунцин, где поступил в частную начальную школу. В 1920 г. Ян Шанкунь поступил в Педагогическое училище, там он начал читать прогрессивные для того времени журналы «*Синь циннянь*», «*Чжуго циннянь*», познакомился с такими книгами как «История социалистических учений Европы» и рядом других, подружился с передовой молодежью. В 1925 г. 18-летний юноша, закончив педагогическое училище, вернулся в Чунцин, где вступил в Социалистический союз молодежи Китая. С 1925 г. вел работу в студенческом и рабочем движении в Чэнду, Чунцине и Шанхае. Весной 1926 г. вступил в ряды КПК. В том же году поступил учиться в Шанхайский университет. В ноябре покинул Шанхай и вернулся в Чунцин, где ее партийной организацией был направлен в Москву в университет им. Сунь Ятсена. В 1927 г. начал учиться в университете им. Сунь Ятсена в группе № 453 под псевдонимом Салтыков. Был заместителем заведующего отделом пропаганды бюро ячейки университета. Здесь Ян Шанкунь подробнее знакомится с марксизмом, в 1929 г. двадцатидвухлетний Шанкунь в Москве женился на Ли Бочжао. В это время в КУТК училось около 800 китайцев.

В 1930 г. большинство слушателей КУТК, прибывших в конце 1927 — начале 1928 г., закончили двухгодичный курс, их средний возраст составлял 26–27 лет.

В целом КУТК дал КПК большую группу руководящих работников, получивших систематическую подготовку в области теории и практики революционной борьбы.

Ряд китайских слушателей университета выделялись своей общей подготовкой и академическими успехами в университете. 20 чел. получили высшее или незаконченное высшее образование до приезда в Москву в различных вузах Китая и за его пределами, владели одним или двумя иностранными языками. Некоторые, в том числе Ян Шанкунь, Чжан Вэньтянь и Цинь Бансянь (Бо Гу) проявили способности в исследовательской работе. В 1928 г. они активно сотрудничали в НИИ по Китаю, выступали переводчиками материалов КУТК, работ основопо-

ложников марксизма-ленинизма. Подготовка кадров КУТК проходила в острой идейно-политической борьбе. В среде слушателей КУТК в той или иной мере нашли отражение почти все явления, которые были свойственны КПК накануне VI съезда КПК (VI съезд проходил с 18 июня по 11 июля 1928 г. в Подмоскowie): дробление на местные группировки и фракции, влияние левацких установок, «авангардизм» членов КСМК, пессимистические настроения, влияние на отдельные группы слушателей платформы «троцкистской оппозиции».

Ян Шанкунь поступил в аспирантуру Научно-исследовательского института по вопросам Китая.

В феврале 1931 г. он вернулся в Шанхай, где стал заведующим отдела пропаганды Всекитайской федерации профсоюзов, секретарем ее партийной фракции, организовал и участвовал в забастовке шанхайских рабочих.

Сразу после начала вторжения в Шанхай японцев в 1932 г. в городе была объявлена всеобщая антияпонская забастовка, создан объединенный стачечный комитет. Народное антияпонское общество, незадолго до этого по требованию японцев запрещенное властями, вышло из подполья и приступило к широкому формированию рабочих отрядов, некоторые из которых возглавлялись коммунистами. Во всех этих действиях принял активное участие Ян Шанкунь, борясь за спасение Родины. Эти отряды участвовали в боях вместе с 19-й китайской армией. Обескровленные в боях китайские власти в Шанхае вынуждены были в конечном счете отступить.

Вскоре ЦК КПК направил Ян Шанкуня в качестве заведующего отделом пропаганды в партком провинции Цзянсу для поднятия антияпонского массового движения. Осенью он был переведен для работы в отдел пропаганды ЦК КПК, где отвечал за связь с прогрессивными китайскими организациями (Ассоциацией левых писателей, Лигой национального спасения Китая, Лигой деятелей общественных наук, Союзом защиты прав китайского народа и др.). Работал секретарем партийной фракции в Шанхайском объединении профсоюзов.

В январе 1933 г. Ян Шанкунь появился в Центральном советском районе в Жуйцзине (Цзянси), где стал работать в отделе пропаганды и редактором таких партийных изданий как «Хунсэ Чжунхуа» («Красный Китай») и «Доучжэн» («Борьба»).

В марте 1933 г. в Жуйцзине был создан Марксистско-коммунистический университет (раньше был партийной школой), Ян Шанкунь стал его проректором.

С июня 1933 по 1937 гг. — он заместитель начальника политуправления 1-го фронта Красной армии, политкомиссар полка 3-й армейской группировки (корпуса) РККА, заместитель начальника Главного политуправления Красной армии.

После начала 5-го карательного похода Чан Кайши против коммунистов 3-я армейская группировка под командованием героя китайской революции, будущего маршала КНР и министра обороны Пэн Дэхуа, где Ян Шанкунь был политкомиссаром, воевала на рубеже провинций Цзянси и Фуцзянь. Там было одержано несколько побед (в котловине Туаньцунь, где бои велись в декабре 1933 г., в районе уездного города Личуань, где войска Пэн Дэхуа численностью 12 тыс. чел. нанесли поражение противнику, насчитывавшему более 40 тыс.).

В январе 1934 г. в Жуйцзине был созван 5-й пленум ЦК 6-го созыва. На нем Пэн Дэхуа был избран членом ЦК КПК, а Ян Шанкунь — кандидатом в ЦК КПК. На II Всекитайском съезде Советов избран членом ЦИК Китайской советской республики.

Участвовал в Северо-Западном Великом походе Красной армии, был начальником политуправления Шэньси-Ганьсуского отряда, начальником полевого управления Красной армии.

Принял участие в расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в январе 1935 г. в Цзуньи с правом совещательного голоса. Ян Шанкунь, как отмечают китайские историки, выступил с критикой Бо Гу и представителя Коминтерна немца Отто Брауна (Ли Дэ) и поддержал Мао Цзэдуна.

29 августа 1935 г. на совещании Политбюро ЦК КПК в местечке Баси, расположенном недалеко от ганьсуской границы, было принято решение создать комитет по пропаганде из трех человек, куда вошли Ян Шанкунь и Ли Вэйхань, и вновь издавать такое издание как «Ганьбу биду» («Что должны читать кадры») и газету органа ЦК «Доучжэн».

В 1937 г. он становится заместителем секретаря Северного бюро ЦК КПК, а в ноябре 1938 г. секретарем.

В период «чжэнфэна» в Яньани вместе с Бо Гу, Ло Фу, Ван Цзяньном и другими подвергся критике как представитель «линии Ван Мина» и Коминтерна. Выступил с «самокритикой».

В 1945 г. Ян Шанкунь назначен начальником секретариата Военного совета ЦК КПК, заместителем секретаря тылового комитета войск, непосредственно подчиненных ЦК партии. После

1948 г. занимал должности заведующего Канцелярией ЦК КПК, секретаря парткома учреждений, непосредственно подчиненных Центральному Комитету, заместителя заведующего Секретариатом ЦК КПК.

После провозглашения КНР в 1949 г. он — губернатор провинции Гуандун и мэра г. Гуанчжоу.

В 1952 г. Мао Цзэдун стал поговаривать о желании «отойти на второй план» и передать бразды управления партии и правительством более молодым. При этом сам он займется теоретическими проблемами и решением стратегических вопросов дальнейшей политики. Однако, судя по имеющимся документам, эти слова вовсе не означали готовности делиться полномочиями власти. Напротив, как раз в это время Мао Цзэдун сосредоточивал в своих руках весь контроль за принятием важнейших решений. К примеру, в мае 1953 г. он пришел в ярость, узнав, что возглавлявший Общий отдел ЦК КПК Ян Шанкунь и член Политбюро ЦК КПК, секретарь ЦК Лю Шаоци без его одобрения и согласования стали издавать указания и директивы ЦК КПК и Военного совета в периоды, когда Мао был болен или в длительных инспекционных поездках по стране. Это было учтено, в будущем ни один документ без просмотра Мао Цзэдуна не издавался.

27 апреля 1954 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение о назначении Дэн Сяопина начальником Секретариата ЦК КПК, а Ян Шанкуня его заместителем. С этого времени Ян Шанкунь работает под непосредственным руководством Дэн Сяопина.

На 1-м заседании Всекитайского Комитета НПКСК 2-го созыва в 1954 г. Ян Шанкунь избран членом ЦК ВК НПКСК (он занимал этот пост до 1965 г.)

В январе 1955 г. было принято официальное решение ЦК КПК о создании Секретариата ЦК КПК, Ян Шанкунь становится заместителем заведующего Секретариата и по совместительству заведующим первой канцелярии Секретариата ЦК. На 8-м съезде КПК в 1956 г. избран членом ЦК КПК, на 1-м пленуме 8-го созыва — кандидатом в члены Секретариата ЦК.

Весной 1958 г. Ян Шанкунь подвергся критике со стороны Мао Цзэдуна в связи с тем, что якобы во время кампании «борьбы против правых» Секретариат ЦК занимал «правую» позицию.

Ян Шанкунь после образования КНР посещал Советский Союз в 1957, 1960, 1963 гг., видимо, учитывалось, что он знает русский язык.

В связи с закрытием ряда предприятий после «большого скачка» и мерами по «урегулированию» производства перед центром остро встал вопрос о сокращении управленческого аппарата, раздутого в предыдущие годы. Этой проблемой стал заниматься заместитель премьера Госсовета КНР, генеральный секретарь госсовета Си Чжунсюнь. В связи с трудностями со снабжением продовольствием в городах и невозможностью прокормить все городское население, резко увеличившееся в период «большого скачка», для улучшения положения было принято решение уменьшить население городов на 20 млн чел. и сократить управленческий аппарат. 6 января 1962 г. была сформирована группа по сокращению населения городов, которую возглавил Ян Шанкунь. 22 февраля 1962 г. по решению секретариата ЦК КПК была сформирована специальная малая группа ЦК КПК по сокращению штатов, возглавил которую также Ян Шанкунь, Си Чжунсюнь являлся членом группы. 6–9 февраля 1963 г. состоялось совещание первых секретарей региональных бюро ЦК КПК, на котором Ян Шанкунь выступил с докладом о проделанной работе по сокращению населения городов и штатов администрации. Было заявлено, что с февраля 1961 г. за 2 года по всей стране сокращено более чем 18 млн 870 тыс. рабочих и служащих. На 1-й сессии ВСНП 3-го созыва в 1965 г. Ян Шанкунь избран членом Постоянного комитета ВСНП. В том же году назначен секретарем комитета КПК провинции Гуандун.

По инициативе Мао Цзэдуна в 1963–1964 гг. в Китае началась новая политическая кампания «за социалистическое воспитание», которая затем трансформировалась в кампанию «четыре чисток».

16 января 1965 г. Ян Шанкунь в возрасте 58 лет выехал в большую производственную бригаду для участия в движении «четыре чисток» (организационной, идеологической, политической и экономической). (Мао Цзэдун рассматривал эту кампанию как прелюдию к «культурной революции»). Во второй половине мая 1965 г. «чистки» в бригаде закончились, Ян Шанкунь выехал в Сиань, а затем в Пекин.

Проведение «четыре чисток» в стране не удовлетворило Мао Цзэдуна, он считал, что эта кампания не дала ожидаемых результатов, поэтому следует начать новую кампанию, названную им «великой пролетарской культурной революцией».

2. Вэньгэ данань [Архив «культурной революции»]. В 2-х т. Пекин: Дандай Чжунго чубаньшэ. 2004. С. 179.
3. Там же. С. 181; *Ван Няньи*. Да дунлуаньдэ няньдай [Годы великой смуты]. Хэнань жэньминь чубаньшэ, 1989. С.19.
4. *Усов В.Н.* Китайский Берия Кан Шэн.: М., Олма-пресс, 2004. С. 332–333.
5. *Ли Чжисуй*. Мао Цзэдун. Записки личного врача. В 2-х кн. Минск: ИнтерДайджест. 1996. Кн. 1. С. 355–356.
6. Там же. Кн. 2. С. 76.
7. Там же. С. 78.
8. Там же. С. 79.
9. Ян Шанкунь хуйи лу [Воспоминания Ян Шанкуня]. Пекин, 2001.
10. *Су Вэйминь*. Хуайинянь Ян Шанкунь [С теплотой вспоминаю Ян Шанкуня] // Байнянь чао. Пекин, 2009, № 7. С. 45.
11. Бэньсэ лиши чжэ ньсян чжи «Мими луинь» [Истинная историческая картина «тайных магнитофонных записей] // Вэньхуа ишу бао. Шукань цанькао. Шэньси. 2010. 18 июня. С. 8.